

ПАВЕЛ КУСТОВ

У нас на севере

ПАВЕЛ КУСТОВ

У НАС
НА СЕВЕРЕ

СТИХИ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

МОСКВА • 1954

У НАС НА СЕБЕ

ПО ДОРОГЕ В ПОШЕХОНЬЕ

Удивлены в вагоне:
— Как согласились вы
Куда-то в Пошехонье
Поехать из Москвы?

Район — из самых средних,
В нем путного — всего
Лосиный заповедник
И больше ничего!

Нужды не видя спорить,
Смолчал я в этот раз
Про Рыбинское море,
Что плещется у нас.

Я не сказал ни слова,
Как в зимние деньки
В покой лесов сосновых
Врываются гудки

И как зимой и летом
Уже давным-давно
Московской силы светом
Здесь все озарено.

Дает район богатый
И рыбу и металл,
И трактора сохатый
Бояться перестал.

Лишь краевед шагает
С тетрадкою в руках,
Легенды собирая
О здешних мужиках,

Которые, я слышал,
Голодною порой
Ташили скот на крышу,
Заросшую травой.

* * *

Покоряясь судьбе непреложной,
Скоро дрогнут литые стволы.
И услышит охотник таежный
Первый звон топора и пилы.
Я звериных чащоб не жалею
И готов потрудиться и сам,
Чтобы встали дома по аллее,
Вознося этажи к небесам,
И чтоб там, где, шагая меж елок,
Конь твой волчьих боится следов,
Широко разметался поселок,
Опоясанный лентой садов!

ДВЕ СЕРЕБРИСТЫЕ ЕЛИ

Зима пошла уверенно на приступ.
Всего за сутки город стал седым.
Передо мной две ели серебристых.
Откуда в нашем крае взяться им?

У нас в лесу и в городской аллее
Лишь сосны мелкорослые подряд.
Такие ж ели перед Мавзолеем
На карауле горестно стоят.

У них всегда короткие иголки
В какой-то чуть приметной синеве.
Как сердцу стали близки эти елки,
С тех пор как я увидел их в Москве!

Я видел там старинной кладки стены.
И мне казалось, стоя у Кремля,

Что, мчась в пространство с ношей
драгоценной,
Ровней и тише вертится земля.
Вся родина в красе своей и силе
Открылась нам с кремлевского холма...
Две ели голубых мы посадили —
И мягче показалась нам зима!

ПЕЧОРА

Заветный клад открылся нам не сразу.
Поерзай на коленях да порой,
Пока в пещерной тьме сверкнут алмазы
И золото блеснет в земле сырой!

Мы шли в любую стужу на разведки,
И сколько раз меж сосен и берез
Над шалашом посланцев пятилетки
Рассерженный куражился мороз!

Но трудный путь сквозь дебри мы пробили
Не для того, чтоб лес остался нем.
Мы так суровый север полюбили,
Что тут же оседали насовсем.

Все дали нам разбуженные горы.
И мы глядим, забывши про страду,
На поезда, везущие с Печоры
И золото, и уголь, и руду!

СЕВЕР

Кто скажет о поморах, что они
Слынут за нелюдимов исконь,
Что очерствело сердце их, — не верьте!
Радушье, словно золото, храня,
Они, как сына, приняли меня
И, чуть живого, вырвали у смерти.

О, как я полюбил их разговор,
Глаза, в которых синева озер,
Пожатья рук, исполненные ласки!
Какой не приносили мне еды!
В окно бросали девушки цветы,
И старики рассказывали сказки.

И вот — как будто не был я в бою.
Пляшу на посиделках и пою,
И костыли давно в печи сгорели.
По кухне громыхая до зари,
Мне в путь хозяйка сушит сухари
И ставит латку жареной форели.

Куда я собираюсь в ясный день
От моря и рыбацких деревень,
От горницы и ласковой хозяйки?
Здесь все теперь родное для меня,
И я отдам все трели соловья
За крик осенней чайки!

А та, что мне подругою была,
Что молча у крыльца меня ждала
И ягоды носила мне всех чаще?..
Как холодом со взморья понесло!
С утра скрипит в уключине весло,
И кланяются сосны уходящим.

Сними же с плеч дорожные ремни,
Письмо своё прощальное сомни,
Открой соседям настежь дверь светелки.
И пусть стаканы сдвинут рыбаки
За тех, кто остается в их поселке!

НА ОБЛАВЕ

Ружейных мастеров из Тулы слава,
В одном из вологодских уголков
Я много раз участвовал в облаве
На недругов ~~ис~~ ~~ф~~ ~~и~~ ~~н~~ ~~а~~ — на волков.

Идешь по перелескам темным молча,
Где горбятся забитые стожки.
Ух, как начнет кружиться стая волчья,
Завидев наши красные флажки!

Все уже круг, что вешками отмечен.
И хоть остры глаза у вожака —
От пули справедливой и картечи
Ворюге не уйти наверняка.

И в доме, замеченном снегом где-то,
Коль вылазка удачною была,
Пойдут воспоминанья до рассвета
Про более горячие дела.

Что ж, ревностно трудясь, мы не забыли —
В честь этого и фляжку разопьем, —
Как недругов земли Советской били,
И коль придется, то еще побьем.

Лежит матерый, кровью истекая.
Застыл язык, прикушенный во рту.
Ждет каждого врага судьба такая --
Не перейдет он красную черту!

ЗДЕСЬ ГОРОД БУДЕТ

Дед по горло в делах. Старшим плотником он.
Но две внучки его, хохотушки,
Не сидели в избе и за летний сезон
Насолили грибов две кадушки.

Край наш — лес да река — всякой снѣдью богат:
Тут и дичь, и грибы, и малина.
По зеленой тропе выходи наугад —
Сразу полною будет корзина.

Только в чаще бродить стало некогда мне,
Я домой возвращаюсь ночами.
Не корзина в руках, не ружье на ремне —
Нивелир у меня за плечами.

Льют дожди — я иду, сыплет снег — я иду
Впереди изыскательских партий,
Чтобы красным кружком уже в этом году
Городок обозначить на карте.

Все задорней гудит паровоз вдалеке,
Мчась по рельсам недавней укладки.
И, в погожие дни отражаясь в реке,
Как грибы, вырастают палатки.

Скоро провод стальной перечертит зарю,
Станет лес на себя непохожим.
Что ж я внукам твоим, старый дед, подарю,
Когда город здесь будет заложен?

В этот шумный сезон еще не было дня,
Чтоб ко мне не пришли комсомолки.
Они белым снетком угощали меня
И волнухами первой засолки.

Мы сидели втроем, не смыкая очей,
И рассвет пробивался сквозь ставни.
По сиянию их лиц, по обрывкам речей
Разгадал я их замысел давний.

И в тот памятный день, когда здесь застучат,
Наступая на грунт, земснаряды,
Я прорабу скажу, указав на девчат:
— Принимай пополнение в бригаду!